
7.12.2025. Вчера проводили в последний путь нашего дорогого профессора Василия Михайловича Бабича. Мне очень жаль, что лично общалась с ним немного. Он читал нам на мат-мехе лекции по физике, а потом я встречалась с ним на семинарах в ПОМИ. Помню, ещё со студенческих лет о нём ходили анекдоты, люди пересказывали забавные ситуации, в которые попадал В. М. Не знаю, с чем это было связано, может быть, с его природным чувством юмора, а может быть, со студенческой любовью, ведь про нелюбимого профессора студенты лишний раз вспоминать не будут.

Я расскажу несколько историй, которым была свидетелем лично и за правдивость которых я могу ручаться.

Первая история, которая мне запомнилась, произошла на мат-мехе в Петергофе году этак в 80-м. Это было на Дне мат-меха. Мы все сидели в большой аудитории, а группа старшекурсников отлавливала в коридоре преподавателей и заводила внутрь, и там присутствующие могли спрашивать своих учителей о чём угодно. Надо сказать, что не все преподаватели успешно проходили этот экзамен. Я была как раз на третьем курсе, и у нас уже была физика. Поэтому, когда в аудиторию завели В. М., мне стало очень любопытно. Кто-то из зала выкрикнул: пусть В. М. ответит, почему на лекциях он часто бывает похож на букву Ψ (“пси”). “Откуда я знаю!” — воскликнул В. М., взметнув руки вверх. Вся аудитория взорвалась хохотом.

На поминках народ вспоминал, что В. М. часто приходил на занятия с рюкзаком. Я такого не помню, может быть, это было до нашего курса. К нам на лекции Бабич приходил в идеально чёрном костюме и белой рубашке с галстуком. Руки он держал вниз, немного их оттопырив, поэтому внешним видом и походкой он мне немного напоминал пингвина. Материал он рассказывал очень энергично, увлечённо, быстро писал на доске и активно пользовался тряпкой, причём он мог непринуждённо вытереть ею нос или просто засунуть на время в карман. Сами понимаете, что к концу лекции его чёрный костюм приобретал светло-серый оттенок, а на уровне пояса, кроме того, образовывался белый ободок. Помню, что в те времена сочувствовала его жене, которая, наверное, прилагала немало усилий, чтобы к следующей лекции В. М. выглядел опять идеально.

В то время, когда Василий Михайлович читал нам физику, в моду вошло выражение “со страшной силой”. Все вставляли его в свою речь при каждом удобном случае. Не прошло оно и мимо В. М. Описывая какую-то малую величину, он заявил, что “она, как говорят некоторые малообразованные люди, убывает со страшной силой”. По-моему, он и потом ещё употреблял это выражение, не забывая каждый раз упомянуть о малообразованных людях.

Наступили андроповские времена, когда людей хватили на улицах в рабочее время или милиция проверяла сидящих в кинозалах в дневные часы рабочей недели. В те времена про В. М. пошла байка, что его задержали, когда он шел в прачечную в шлёпанцах, довольно просто одетый, и не хотели верить, что он профессор. Но эта история — выдумка (сын Василия Михайловича подтвердил мне это лично), и я про-

пу всех, кто её слышал, ей не верить. Точнее, случай проверки документов милицией по дороге в прачечную был, но в более раннее время, и всё быстро разрешилось, так как у В. М. оказался с собой паспорт¹.

Очень забавный случай произошёл в перестроечные времена, когда началась антиалкогольная кампания. У Нины Николаевны Уральцевой случился юбилей. Вся кафедра, её ученики собрались на новом мат-мехе, чтобы её поздравить. Она с радостью принимала наши поздравления, но потом заявила, что как завкафедрой не может праздновать с нами, иначе у неё могут быть неприятности². Мы немного расстроились, проводили Н. Н. до машины и пошли отмечать без неё. И тут оказалось, что у нас нет штопора! А бутылка была, и с узким горлом. Сначала её пытались ковырять вилкой, но безрезультатно. Тогда В. М. заявил, что он знает метод, как открыть бутылку. Он положил ногу на ногу, а кто-то из аспирантов стал бить дном бутылки об широкую подошву его ботинка. То ли аспирант был неумелый, то ли подошва не та, но бутылка не открывалась. Тогда кто-то предложил делать то же самое, но об стену, подложив предварительно толстую книгу. Не долго думая, кто-то взял первую попавшуюся диссертацию, и стали бить уже об неё. Увидев это, В. М. вскричал, вне себя от волнения: “Что это? Где вы её взяли?” Мы думали, что он возмущен нашим обращением с диссертациями, но он стал благодарить и спрашивать, где мы нашли эту работу. “Да вот тут, в парте лежала”. Оказалось, что этот “кирпич” прислали ему на отзыв, а он его потерял и целый месяц не мог найти. Он заявил, что мы просто спасли его от позора. Ну а бутылку мы открыли штопором, который одолжили на кафедре матанализа.

Ещё один запоминающийся момент произошёл на другом юбилее Н. Н., уже у неё дома на Тихорецком. После поздравлений и тостов стали петь студенческие песни. И В. М. снова открылся для меня с необычной стороны. Он запел песню от имени двух зеков, которые решили бежать из лагеря. Там были слова, что один сел за растрату, другой — за Ксению³. Они долго готовились к побегу, собирали провиант. “И нам в дорогу дал с собой половничек один ужасно милый уголовничек”. Дальше их долго ловили, но потом всё-таки поймали, и песня заканчивалась словами: “Нам за побег добавили срока, И остаётся снова мы зэка: зэка Васильев и Петров-зэка”. На моё удивление В. М. ответил, что это ещё что! Он собирает тюремный фольклор дореволюционной эпохи. Мы спели эту песню на его поминках в ПОМИ, причём аккомпанировал нам его сын Миша на рояле. Так я ещё не пела!

Хочу заметить, что В. М. любил поспать на семинаре, и даже иногда всхрапывал. Может быть, это происходило потому, что он очень рано вставал. Вспоминаю один случай. Когда я была аспиранткой в ЛОМИ, нас посылали в колхоз “Красный

¹Оказалось также, что мы с В. М. ходили сдавать бельё в одну и ту же прачечную, но с разных берегов Невы. Я, кстати, в то время в прачечную паспорт с собой не брала, а может, его просто у меня ещё не было.

²*Примечание редактора:* Нина Николаевна отмечала свое пятидесятилетие в 1984 году, когда власти вели кампанию по укреплению трудовой дисциплины — с этим, по-видимому, и могли быть связаны неприятности. Антиалкогольная кампания развернулась в 1985 году.

³*Примечание редактора:* речь идёт о песне В. С. Высоцкого “Зэка Васильев и Петров-зэка”.

октябрь”⁴. Мы туда приехали ни свет ни заря, все заспанные. Василий Михайлович, который тоже был с нами, заявил, что лично он успел до колхоза ещё позаниматься, ведь в отличие от колхозников нашу работу никто за нас не сделает! Так вот, В. М. любил вздремнуть на семинаре. Один раз я наблюдала, как он вдруг неожиданно проснулся и воскликнул, глядя на доску: “А это что такое? Я могу с этим спорить!” Все сразу поняли, что докладчику сейчас не поздоровится.

Мне запомнился его доклад про сейсмические волны. В. М. показал, что впереди волны с большой амплитудой, которая описывает землетрясение, бежит волна с малой амплитудой, но высокой частотой. Она опережает основную волну. Именно поэтому, наверное, животные, реагируя на высокочастотную волну, своим поведением часто предсказывают землетрясение.

Вот такие у меня остались воспоминания о Василии Михайловиче — замечательном учёном, доброжелательном преподавателе и просто интересном человеке.

Ирина Владимировна Денисова

⁴Кстати, на первом курсе аспирантуры я очень возмущалась тем, что меня всё время посылают в колхоз, и даже пошла жаловаться к А. П. Осколкову, который был тогда учёным секретарём ЛОМИ и ведал буквально всеми делами. На моё возмущение Анатолий Петрович ответил невозмутимо: “А Вы разве не знаете наше правило: кто ездил — тот снова едет?” На это мне возразить ему было нечего — пришлось ехать.